

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Иван Валуев

Записки отчаяния

Иван Александрович Валуев

Записки отчаяния

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39423655

SelfPub; 2018

Аннотация

Сборник так называемых кротоков и поэзии о современности, наполненных истиной, которые очень удобно читать в дороге и дома, с кружкой чая у окна. Содержит нецензурную брань.

Солнечный свет заливает всю комнату и мое лицо так, что я щурюсь. Не люблю просто шторы и все, что с ними связано. Жара невероятная. Воздух стоит, и уже не знаешь, куда себя деть, чтобы ощутить хоть какое-то дуновение жизни, не то что бы ветра. Птицы щебечут, и хочется открыть окно больше, шире, на всю стену, если бы это было возможно. Внизу, под окнами снова оскорбляют друг друга интеллектуалы под действием каких-то анаболиков. Из окон время от времени, (очень редко) вылетает всякий хлам. Иногда это старые вещи в виде носков, тряпок и бескаблучных кожаных сапог, а иногда и техника в виде компьютеров, телевизоров и электрика Михаила Юрьевича, как это было зимой пару лет назад. Тетю Люду снова обозвали наркоманом в ответ на ее обзывания наркоманом незнакомого прохожего. Ей еще нет шестидесяти, а она уже на лавочке. Одиночество, наверное, особый вид наркомании. Неприятной наркомании на первых парах. А дальше только хуже, но уже не чувствуешь. Главное выйти из дому и пойти по самым тихим и безлюдным улицам. Особенно когда дороги этих улиц скрыты в тени крон вздымающихся деревьев, которые образуют природную галерею. Быть может там не так жарко, на этих улицах и не так печально, и, возможно, не так одиноко... Вы не замечали, как, порой, бывает, коротка наша жизнь? Жизнь, которая может поместиться на одном листе, такая монотонная, что может показаться лишь одним днем.

С Кремлевской улицы я сворачиваю на Таганскую, и бегу по направлению к острову Хортица. Стараюсь бегать каждый день в порыве некоего самовыражения в этом мире полном абстракций, иллюзий и нереализованных желаний. Подошва левого кроссовка уже практически стерлась, но это не мешает преодолевать мне по 7-10 км каждый день. Из-за наших замечательных дорог приходится устремлять свой взгляд под ноги, и любоваться безграничным совершенством плебейской технологии строительства. Пробегая по мосту, я так поддался порыву легкого ветра, щекотавшего мои гладковыбритые щеки и музыке Пуччини, игравшей в наушниках, что позабыл о дороге и рассматривал людей. При этом, конечно, спотыкаясь и усердно стараясь не подавать этому вида, и не потерять по дороге не только кроссовки, но и ноги... Везде сновали молоденькие парочки, – цветник гормонов и избыточные феромоны! Они радуются, общаются, смеются. Им есть о чем поговорить и о ком. От такой искренней красоты начинаешь и сам невольно улыбаться. За мостом, на острове, тут и там на лавочках или же в легкой прогулке встречаю такие же пары, но уже чуть постарше. Их глаза горят, они еще смеются, но разговаривают меньше. Дальше на пути встречаются такие же парочки, но еще старше, с детьми и колясками. Они уже не улыбаются, не общаются, а взгляды их пусты и наполнены серым цветом. Одни лишь дети будто бы знают

что-то больше, чем их родители, молчат и переваривают все на свой лад. Возле музея можно встретить и парочки старше среднего возраста. Они улыбаются, временами радуются, но не сильно общаются. А к концу своей пробежки я заметил пару, которая, судя по их виду, по мелким морщинам, которые говорили о сильном и добродушном характере, прошли вместе через многое. Они общаются, смеются, радуются. Но все это они делают глазами. В их взгляде все. Будто бы они знают что-то большее, но молчат и уже не переваривают...

***

Спать кладется Анатолий
В скрипе глаз и их ресниц
Семь детей уже в кроватке
Спят они как прежде ниц

Снятся Толику порою сны
Но сегодня что-то странно
Снятся жуткие мосты
Разведенные кошмарно

Снится ветер по ушам
И полет единорогов
Мертвый серенький пиджак
Из картона дяди Жоры

Он бежал в траве с мячом
В гулком переулке новостей
Кто-то обозвал его бичем
И лишенным прелестей

В огороде огурец
Косит там его Георгий
Дядя Жора молодец
И пиджак его картонный...

***

Откуда день за днем берутся мысли?
Такие странные, порою – бред
Как не законченные письма
Или не начатый обед

Они уходят в неизвестность
И приплывают в никуда
А их источник неизвестен
Как порождение ума

Переплетенные все вместе
И тут же сразу позабыты
И каждый в своем месте

И будто бы разбиты

От воспаления мозгов

Булгаков дал один совет

Карандаш, блокнот, мозги

Присядь, и напиши свой бред...

***

Ночь окутала все вокруг. Романтическое время, пробуждающее в своем проявлении все самые потаенные чувства человека, о которых он ни за что не вспомнит наутро. Треть суток, такой короткий промежуток времени для возможности осознания, чего-то высшего, чего-то своего. В это время все спит, когда сердце пробуждается. Время ночи пролетает так быстро, что все ощущения и чувства не задерживаются в нас надолго. От того и утро имеет такой неприятный привкус горечи и разочарования. Ночь дает лишь приближение к самому себе. Но первые лучи восходящего солнца отбирают все это, не оставляя ни малейших признаков наличия чего-то прежнего... Вроде бы утро должно ознаменовать что-то новое. Но на практике, ночь – есть начало... Человеку по его природе многого не положено, ибо это ненасытное существо. Я думаю, если бы ночь можно было продлевать, этот период суток человек сделал бы бесконечным. Как и все то, что приносит ему неведомое и неизвестное удовлетворение.

Но есть одно но. Слово “если”. Это слово все же необходимо вывести из употребления в речи. Так как оно имеет явный аромат потерянной последней надежды. Так же лучше поступить и с утром, как периодом суток. Утро должно в теории ознаменовать начало чего-то нового. Но на практике, с наступлением, утро имеет такой же аромат потерянной последней надежды... Да еще и с привкусом горечи и разочарования...

***

Однажды, в моей жизни был один знакомый. Он очень помогал мне по жизни, когда та забрасывала меня в объятья проблем. Помню, была ситуация, когда мы шли по рынку после тяжёлой ночи. Мне нужно было купить рыбу домой и картошки. В моем расположении находилось двести гривен, которых должно было хватить. На сдачу я ещё планировал поживиться мороженым. Пока мы продвигались между рядами, мой знакомый требовал от меня совершить свой ход в русской рулетке, которую мы затеяли ещё ночью. Я откровенно боялся совершить свой ход. Но находился в невозвратной стадии отчаяния, что совершил бы свой ход, если бы не имел денег. Мой инстинкт самосохранения подсказал мне дипломатический выход из ситуации. И я предложил своему знакомому купить свою жизнь на все деньги, что имел. А именно на двести гривен. Мой знакомый согласился. И до-

стиг колоссального апофеоза цинизма, что с мефистофельской улыбкой ещё умудрился дать мне сдачу в пятьдесят гривен. То есть, этот красавчик оценил мою жизнь ещё дешевле, чем предложил я. И скажу честно, я не ожидал, что найдётся такой плохой человек во всем мире, чтобы вбить меня окончательно в дно. Я опешил. Но у меня не было сил ругаться с ним. Поэтому я просто начал драться посреди рынка. Люди даже не замечали нас. Так мы убого бились. Нет. После этого я купил себе и ему мороженое, которое мы прикладывали к ушибам на лице. Мы стали общаться еще лучше. Но, к сожалению, неумолимое время уничтожило наши отношения...

***

Это был конец сурового февраля. Снег то выпадал при минус двадцати, то таял при плюс пяти. Мы с любимой возвращались с работы домой. Сквозь сон, суету в маршрутке и дурные мысли мы оказались на остановке недалеко от дома. Пока мы шли от остановки к дому, к нам привязалась дворовая собачонка. Она была похожа шерстью и мордой на лабрадора среднего возраста. Как бы мы не сворачивали, она продолжала бежать рядом с нами. И даже когда мы остановились, она стояла неподалеку, и глазела на нас, высунув язык. Мы старались отогнать ее от себя. Но так как мы оба имели добродушные и жалостливые характеры, тем более, когда перед нами такое очаровательное животное с шерстяной юбочкой на задних лапках, нам было не под силу прогнать

собачку. Она семенила рядом и поглядывала на нас. А мы переглядывались с возлюбленной жалостливыми взглядами. Около нашего дома постоянно ошивались местные братья прикормленных дворняг. Их было с десятков, и все они были большими. Когда мы уже подошли к дому, вся эта свора накинулась на нашу новую спутницу. Они бешено лаяли, кидались и снова отпрыгивали, старались укусить. А наша спутница инстинктивно отбегала и снова подбегала к нам. Ее глаза словно говорили: “Кто они? Что это такое? Я не понимаю, за что?” У человека порой в обществе тоже появляются такие вопросы... Отогнать злых собак у нас не получалось. Они и нас бесстрашно бросались. Вся эта агрессивная ситуация продолжалась, пока мы не свернули за угол дома. Собаки еще гавкали, но не решались заходить за угол дома. Наша спутница безмятежно шла рядом с нами. Моя любовь со слезами на глазах просила взять собаку домой. Но по договору арендодателей квартиры, мы не имели права заводить живность... Я был бессилён... И когда собака поняла это, она остановилась, но продолжала провожать нас стеклянным взглядом... Я едва смог успокоить девушку и увести с собой. Я не давал девушке смотреть назад, а сам посматривал в эти блестящие глаза, полные надежды... Когда мы подошли к двери своего подъезда, собака на углу дома посмотрела на нас своим красноречивым и понимающим взглядом, который говорил: “И тут такие же люди... Ну и ладно... Мне не привыкать...” Она резко развернулась, затрясла своей шер-

стяной юбочкой и быстро скрылась...

***

Свет не попадает больше мне на стол
За окном гремит. Снова грозы...
В руках остатки моей прозы
И незаконченный роман
О силе жизни одной розы.

В ветрах уныло веет правдой
Но истина звучит милей
А ее путь похож с бравадой
Людей с диковинных далей

Вода дождей невозмутимо льется вниз
Как будто что-то обновляя
Похожая на моря бриз
Что остров скуки омывает....

Не виданная мера лунных слов
В порывах вдохновенья
Не нарушит твоих снов
И как по знаку проведенья
Разрушит цепь твоих оков...

В общественном транспорте очень часто попадаешь под град деструктивных разговоров. Небо затянуло серым куполом, а солнце сверху греет этот купол. И все мы варимся в одном большом вакууме, пока преодолеваем дорогу и время... В троллейбусе позади меня сидели очень экстравагантные женщины за пятьдесят с лишним лет. Цветовая гамма их стиля могла свести художника с ума. Я оценил все это, когда вошел в транспорт и присел на свободное место, специально поближе к этим красоткам. Неподалеку еще сидел один старик с каким-то яростным выражением глаз, которые виднелись из под густых седых бровей. Я не знаю откуда женщины черпали темы для разговоров, но, по-видимому каждый думал о своем и просто в слух высказывал это.

– Эта ничтожная пенсия. За нее хлеба не напасешься. А депутаты думают, как бы уехать за кордон с нашими миллиардами. – говорит одна.

– Ага. Мне Светка, соседка моя, сестра Олежки Гуревича... Ой, вот он прекрасный мужчина... Так Светка говорит, что уже не раз пыталась прыгнуть с балкона...

– Вы что?! Верите Светке? Она же живет на первом этаже, под вами как раз. И балкона у нее нет. Это же соседка Ваша.

– Так я ж и говорю, пыталась. Но не получалось. Дважды. Они помолчали пару секунд.

– Сон мне снился, – начала первая, – Пашка кабана домой

принес. И через два года он машину купил. Иномарку...

– Ага, ага. – кивает другая. – А мой Володя, помню, дом построил. А потом и сгорел вместе с домом. Еще Валька тогда холодец делала, ей не хватало желатина. Как сейчас помню было. Скверный у нее холодец...

– Дура ты старая! – закричал на весь троллейбус дед, что меня аж передернуло всего. – Володя уехал работать! А ты его за день уже третий раз сжигаешь! Вообще умом тронулось?! Сидела бы и молчала!

Женщины округлили свои глаза и впредь весь свой оставшийся путь молчали, спокойно глядя в окошко. А дед, после своего монолога, отчетливо пробурчал себе под нос: «Светка, Светка... Как бы не я, уже б давно перекинулась через балкон...»

И только одному Богу было известно, насколько крепко дед удерживает Светку...

***

Рим пал... Карфаген пал... И у Виктора Степановича тоже пал... Он не думал, что это будет последнее его фиаско из всех страдальческих моментов его жизни. Об этом смешно говорить, но не думать. Так и он. Говорил, но не думал. В пределах комнаты, где он находился, не было пространства для лишних дум. Поэтому он думал о работе. Так было легче, так было нужно. Лампа накаливания озаряла его бума-

ги, исписанные каллиграфическим почерком о том, чего он сам не знал. Временами он нервно посмеивался, но сам себя останавливал, потому что знал, что нервничать нельзя. Да и ни к чему... Вечер спрятал солнце и вывел на улицу нечистоты, порождавшие романтику и тьму... А Виктор Степанович думал о путешествии на край ночи. Но не о произведении Луи Селина, а о своей индивидуальной ночи, где мир лишен пороков и он снова на коне. Весь этот вечер с его знакомой обошелся без слов. Все было как обычно. Ужин, музыка, цветы, романтика. Танец, поцелуи и душевный свет. Но чего-то вроде не хватало Виктору.

Ни разговоров о литературе и искусстве...

Ни анекдотов, давящих на мозг...

Ни взглядов томных и весомых...

Ни запаха его носков...

Виктору не хватало другого, чего-то своего, самобытного. Чего-то, что он прятал от всех за тонной огорчения и бед. Чего-то не похожего на все, что было в его жизни с ним... Но, что-то, что испытал он раз в душе и испугался вновь узнать... Он знал, без этого нельзя, но делал все на автомате... Старался отводить глаза и думать только о лопате... Которой закопал он сам себя и чувства сердца своего...

***

Мы ехали на машине и молча рассматривали меняющийся-

ся пейзаж за окном. Я хотел что-то сказать, но побоялся выглядеть глупо. В голову ничего не приходило. Я подумал, что и говорить ничего не стоит. Молчание было приятным и не напрягающим. Она сидела за рулем и никак не хотела, чтобы я ее сменил. Временами она улыбалась мне, когда замечала тоску в моих глазах. Я ничего не понимал, поддавался ее завораживающей улыбке. Дорога порой была отличной, ровной и зеркальной. А иногда разбитой, извилистой и грязной. Но мы преодолевали ее с особыми усилиями и при этом находили повод, чтобы улыбнуться или посмеяться от души. Срывался дождь и тут же мог прекратиться. А потом снова полет из очередной грузной тучи, висевшей аккурат над головой. – Вон, видишь те горы, с заснеженными вершинами? – спросила она меня. – Да. – ответил я, всматриваясь в даль. – Так вот представь, что горы – это твои цели. А снег – это твои иллюзии. Очисти свои цели от иллюзий, и ты увидишь все скрытые опасности этих гор. – А вот, смотри, густой лес. – продолжала она. – Это твои эмоции. Попробуй мысленно убрать его. И тогда ты сможешь увидеть подножие цели. А перед тобой будет целое пространство чистых чувств.

Мы подъехали к берегу моря, остановились и вышли. Ветер колыхал ее пышные волосы, а я вдыхал запах ее свежих духов, от которых у меня кружилась голова. – Узнаешь? – спросила она, указывая на садящееся за морской горизонт солнце. – Нет. – ответил я. – Это же ты. – продолжала она,

улыбаясь. А море – это твоя любовь... – Так тут на весь мир хватит моей любви. – восторженно сказал я. – Именно. – как-то грустно подтвердила она. – А теперь смотри, как ты утонешь в своей любви. И от тебя ничего не останется... Даже того яркого свечения, которое так тебе присуще... Я повернулся к ней всем телом, и в раздражении спросил ее, глядя глаза в глаза: – А ты кто вообще? – Я? Я твое сердце... – ответила она.

– Хорошая шутка... – сказал я, и продолжал наблюдать, как утопаю в любви...

***

Передо мной ступеньки подъезда наверх. Я их долго рассматриваю и не решаюсь подняться на следующий этаж. Что ж, можно попытать удачу, и спуститься вниз. Но я смотрю на ступеньки, которые тянутся вниз, и у меня начинает кружиться голова. Они мне кажутся полной противоположностью ступенек, идущих наверх. Как зеркальное отображение. Когда ты пьян, лучше всего в этом признаться самому себе, как писал еще Харуки Мураками. И не стараться даже придумать какую-то фальшивую отговорку. Был еще один выход, это зайти к себе домой. Я как раз стоял на лестничной площадке своей квартиры. Я открыл кое-как двери ключом. За ней я увидел тоскливую темноту, погружавшую все вокруг в себя. И даже тот свет, который попадал в квартиру от

подъездной лампы. Здесь веяло тормозом и пустой посредственностью, от которой воротило нутро и лицо. Я закрыл дверь с недовольным видом. Из всего мне оставалось свернуться клубочком и заснуть на лестничной площадке. Может, утром я отведаю чашечку кофе, и мне станет легче. Однако, это лишь очередная иллюзия, навеянная опьянением жизнью. Поэтому я решил идти туда, где я не могу знать дороги и ее конца. Я стал спускаться, не цепляя стен. На улице веяло какой-то не типичной для лета ночной прохладой. Все люди уже успели сделать свои дела. А кто еще не успел, цепляется за что-то ночью. Нельзя сказать, что хорошо, когда есть за кого зацепиться. Но это и нельзя назвать плохо. Это просто течение жизни, где все достаточно относительно. В конечном итоге, это проблема каждого... Я имею ввиду жизнь... На углу дома стоит один сумасшедший и ведет беседу с самим собой. Причем эта беседа не была монологом. Сумасшедший строил интеллектуальный диалог с взаимным уважением. Приятно было слышать чей-то голос в темноте. Казалось, что помимо тебя есть кто-то, кто тоже может услышать и тебя. Я спросил его, все ли у него хорошо. Это был глупый вопрос, но я хотел поговорить. – Все отлично! – ответил сумасшедший. Он стоял босой, в разорванном халате, и скорее всего голый. – А с кем ты разговариваешь? – не унимался я. – С самим собой. Так же лучше можно узнать себя. Ведь только через общение мы можем познать кого-то другого. Значит и себя можно узнать...

***

На мосту Преображенского над моей головой проехал очередной поезд, гулко постукивая колесами. Я не успел сесть на него. Порыв ветра на скорости сильно всасывал за собой воздух, который подтолкнул меня идти быстрее. За перилами река. Высота небольшая, лететь не долго. Но лень потом плыть к берегу. Может оно и к лучшему, если прыгнуть и не плыть... Проехал еще один поезд, пока я раздумывал над течением жизни в свободном полете мыслей. Снова тот же завораживающий стук колес. На фоне чистого звездного неба, перемигивается еще не выключенный свет в окнах поезда с таинственной тьмой. Я пропустил и этот поезд. Кажется, что достаточно пропустить, и можно, не волнуясь, присесть на следующий поезд. И так бесконечно? А что если и этому есть конец, как и всему в этом мире? Что если следующий поезд никогда не поедет больше? Это есть наверное конец... Конец от удушающей скуки... Я поднял глаза к небу. Где-то, возможно, в галактике Альфа-Центавра, мигал некий Кеплер с присвоенным землянами личным номером, наподобие s485i, или еще какая-то ерунда. Хорошо различимый Большой куш будто говорил: «Я здесь, именно там, где ты видишь меня, ибо ты знаешь это... А без знания, никогда бы не увидел...» И замолчал. Что ж, я перестал на него смотреть с его такой видимой заносчивостью. Так странно.

Я ничего не видел вокруг, кроме звезд. Ничто не попадало в поле зрения, окромя безоблачное звездное небо. Как в Крыму, лежа ночью на пляже, можно поймать серьезное головокружение, всматриваясь в глубину яркого света мириад всех звезд. Мое созерцание нарушил стук колес проезжающего над головой очередного поезда. Свет из окон снова перемигивался с тьмой. А ветер втягивал меня в направлении за поездом, унося на дорогу в никуда... Я остался стоять, а мысли вместе с ветром улетели в никуда...

***

Ужин на столе уже остыл. На эстраде появилась котлета по-киевски и лапша, готовые показать мне все чудеса приготовленного по рецепту фарша и всю прелесть (якобы) итальянского продукта, сделанного из украинской муки. Вещи лежат и стоят на своих местах. Фотоаппарат Киев пылится на полке. И смотрит на меня своим единственным глазом, с мольбой взять его куда-нибудь с собой и посвятить в свои приключения, которые, возможно, отобразятся на пленке. Кушать уже никак не хотелось. Обстановка заинтересовала больше, чем физиологическая потребность. В Булонском лесу в это время обычно найдется какая-нибудь пара, занимающаяся под звездным небосводом любовью. Французам, как никому другому известно куда больше об этом необузданном божественном чувстве. За стеной доносились звуки ком-

позиций Мориса Равеля, на смену которым пришли несменные сентиментальные Гипнопедии Эрика Сати. На душе стало чуть легче. Коты на улице уже завершили свои очередные баталии за место под звездами. Победителю зализывали раны его приближенные пассии, а побежденный зализывал раны и уже готовил план на следующий день. На часах появились цифры 21:00. Захотелось поесть. И еще чего-то... Возможно, оказаться сейчас в Булонском лесу... И я приступил к медленному поглощению давно остывшего ужина, с музыкой Сати и мыслями о Париже...

***

Однако, скоро осень
И может быть придёт пора
Закашляется лето очень
Опадет листва и появится она.
Небо голубое будет бить на фоне листьев
Синим цветом, с облаками иногда
И причуда романтизма пронесется быстро
А поэты снова защебечут, эту жизнь боготворя.
Может дождь все смоем лихо
Может похоронит все листва
Или ветер безмятежно тихий
По-срывает с веток фразы и отправит их в уста...
Корабельный шум станет запредельно близким

И уснут цветы на подоконнике моем
Солнце так уже не будет низко
Как оно являлось в облике своём...

***

От выпитого на ночь кофе не спалось. Цикады развернули свои концерты за окном и стрекотали, как и каждую летнюю ночь до этого. Я стал задумываться над тем, как можно поменяться и что можно вообще сделать со своей жизнью. Но так и не смог прийти к логическому итогу. Все сводилось к дремоте или к взаимно замещающим мыслям, которым не было конца и края. Они бывают порой до того нелепы, что хочется смеяться. А когда хочется посмеяться в следующий раз, эти мысли притаиваются где-то в уголках моего скудного разума и тихонько смеются надо мной, как посмеивается парочка студенток-пигалиц над нищим. Все-таки дремота завладела мной, хотя и не подавала надежды на погружение в фазу глубокого сна. В этом состоянии, схожем с миражем или даже с галлюцинациями, которые плывут перед глазами без твоей участи, я начинаю различать каких-то неведомых ранее людей, красивые и примечательные местности: долины, раскинувшиеся под навесом крутой скалы; лес, сопровождающий меня по обе стороны тропинки; река, стекающая с гор тоненькой струйкой параллельно тропинке. Но я лишь, как соглядатай, как путешественник, иду по тропинке, шурша

землей под ногами. Огромные корабельные сосны удерживают в этой зоне прохладу, несмотря на палящее сверху солнце. Мирная духовная тишина, наполненная не раздражающей какофонией пения птиц, журчания реки и треска веток деревьев, проявлявшегося тут и там в лесу. Я иду все выше и выше. Дальше виднеются горы, до которых рукой подать. Но они никак не приближаются ни на йоту. Дерево лавочек и стола, стоявшие на повороте тропы, были слегка мокрыми то ли от влажности этого места, то ли от недавно пролившегося дождя. От чего пробуждался аромат влажного дерева. Такой терпкий и приятный, способный пробудить инстинкты и желания. Такой насыщенный и в то же время едва ощутимый. Можно было присесть, но нужно было двигаться дальше, до того, как начнет садиться солнце. Ощущение аромата мокрого дерева мне хватило, чтобы отдохнуть, не останавливаясь, и продолжить свой путь. Как только я ступил на поворот тропы, моя дремота резко сменилась горькой реальностью, где цикады не заканчивали свои арии, ничуть не схожие с Россини, что своей монотонностью являлись отображением моего убогого я.

***

Музыка в баре была разной. Как и посетители этого заведения. Иногда здесь играла музыка Джо Кокера, иногда симфонии Брамса и даже Стравинского. На выходных в ос-

новном включали альтернативный рок или, так называемый, industrial-rock. Я бывал в этом месте редко, но не настолько, чтобы не заметить хотя бы одного завсегдатая. Но, на мое удивление, каждый раз приходили разные люди, по-разному одетые и с разным настроением. «Здесь не грех выпить и подрататься» – уверял меня бармен, заметив на моем лице скучающую мину. Сам бармен излучал слишком наигранную улыбку, будто всю кожу с лица ему собрали на затылке, отчего его рот казался страшно растянутым. Я спокойно продолжал потягивать свой виски, который никак не шел с музыкой этого вечера. Это был симбиоз электронной музыки и невнятной безвкусной речи, от которой зудело в ушах. Я допил виски и стал посасывать лед из бокала, который пропитался вкусом и ароматом виски, как рядом со мной оказался мужчина среднего роста, одетый в дорогой костюм. От него разило 42-ым Фаренгейтом и таким отчетливым чувством счастья, которое визуально в нашем мире может показаться сумасшествием или злорадной насмешкой. Сам он заказал себе пиво. Пил его и рассказывал, не обращая ни ко мне, ни к бармену, в пространство, историю о глухонемом мальчишке, мечтавшем когда-нибудь воспользоваться обычным телефоном. Этот шестилетний мальчик в детстве наблюдал за мамой, как та подходила к висевшему на стене телефону, снимала трубку и, беззвучно для мальчишка, испытывала уйму разнообразных эмоций, который мальчик пытался разгадать и определить. Мальчик изо дня в день ви-

дел, как эта штука (телефон), пробуждает в человеке эмоции, выразившиеся на лице. Он только наблюдал за телефоном со стороны. Эта неизвестность так его завораживала, что он уже сам себя стал заставлять не подходить слишком близко к телефону, чтобы не воспользоваться им. Мальчик чувствовал, что его ждет сильное разочарование, но не мог для себя объяснить это чувство. И однажды он не был в силах сдержаться и взял телефон, как берут ювелиры драгоценные изделия, – очень аккуратно, нежно, рассматривая каждую малейшую деталь и царапинку на предмете. И какого же было его разочарование, когда, поднеся трубку к уху, он не услышал ничего.

***

Вокзал был, как всегда забит людьми. Тот короткий промежуток времени, в котором можно заметить пустующий вокзал, проглядывается очень редко и лишь в моменты, когда прибывающие поезда еще в дороге, а до отправляющихся еще уйма времени. Но я шел как раз в то время, когда мир был похож на бесконечно работающую утробу, выпускавшую все новых и новых людей, ничем не отличающихся от других. Таких же серых, таких же стереотипных, подогнанных, как под трафарет. Люди шли мне навстречу, толкались, спешили куда-то. Я не успевал охватить взглядом хотя бы одну фигуру. Все перемешивалось в одном потоке. В потоке,

где не чувствуется ни время, ни люди, ни жизнь. У входа играл мужчина средних лет на скрипке. Я остановился послушать. Он старался играть пятую симфонию Густава Маллера, но ему это не очень удавалось. Хотя было заметно, что играл он с чувством. Воздух стоял ниже обычного. Наверное, снова был произведен несанкционированный выброс заводских шлаков в воздух. Очень много людей в толпе покуривали свои сигареты. Кто-то курил, чтобы избавиться от стресса, кто-то, чтобы просто убить время, а кто-то уже по привычке. Вечер окутан дымом и смогом. Что может быть лучше? Я спустился в подземный переход, где еще доносилась музыка игры скрипача. Люди продолжали идти. Им не было конца. А жизнь шла своим чередом, вроде бы и без моего участия. Такое мое состояние Лев Толстой называл «душевной трусостью». От этих мыслей, моей трусливой душе ни стало хуже, и ни стало лучше. Я вышел на перрон, где меня встретил промозглый ветер, который сквозил по железнодорожным путям, как призрак давно ушедших поездов... Парящих окурков скрылись с перрона под порывом ветра на крупный железнодорожный гравий, и тихо себе продолжали тлеть... На перроне людей практически не было. Кое-где стояли одиночки со своим тяжелым багажом, ожидая то ли поезд, то ли тележку для груза. Я оглянулся вокруг себя. Со мной не было никакого багажа. Я скорее сам был багажом. По сути, в свой путь мне нечего было везти, кроме моего тела и, возможно, еще чего-то, что такое же невидимое и лег-

кое, как ветер. И чем-то схожее с призраком давно ушедших поездов...

***

Плед оказался не нужен. Эта ночь была не такой холодной, как предыдущие. Но ветер иногда посвистывал, пробегая по ушам и спине мелкой дрожью. Шум волн заглушал мои мысли. Еще пол бутылки дешевого Сира Эдвардтса должны были впитаться в меня и раствориться в мутном опьянении. Спешить было некуда, еще целая ночь впереди. Ночь, за время которой можно перевернуть мир или не успеть и моргнуть дважды. На это все мне было как-то наплевать. Я сделал еще пару глотков и прилег на спину, ощущая каждый неудобный камень гальки. Звездное небо раскинулось передо мной во всей своей таинственной красоте. По радио передавали утром, что ночью можно наблюдать метеоритный дождь. Я как раз вспомнил об этой новости, как заметил один из метеоритов, который нам приятнее представлять в образе падающей звезды, чтобы загадать желание. Улыбка появилась на моем лице. Я не знал, что загадать. Пока я думал пролетел еще один метеорит, оставляя за собой светлый след, который не остался на небе уже в следующее мгновение. И этот след выразился в моем желании. «Пускай у всех все будет хорошо. И все будут счастливы» – сказал я еле слышно. Это скорее два желания. Но я ведь увидел две

падающих звезды. Море мерно шумело своим прибоем; ветер несильными порывами придавал мне ощущение течения жизни и времени; а старый малый буревестник снова прилетел, и сел на небольшую возвышенность. Он был явно пунктуальнее меня. Очередную ночь он проводит в моей компании. Или я в его? Это не имело значения. Он всегда присаживался на одно и то же место. Никогда не подходил ко мне ближе. Это был явно очень деликатный малый буревестник, который уважал свое пространство и мое. И мы не мешали друг другу. Мне было интересно наблюдать за звездами. А он отчаянно вглядывался вдаль, за морской горизонт, где море и небо сливались в полную тьму. Возможно, он думал о своем доме. Об острове Мэн, вблизи Великой Британии, откуда этот вид родом. Когда горизонт стал проглядываться, а небо начинало прятать звезды, я вставал и собирался уходить. А буревестник, не повернув ко мне головы, взлетел, и паря над маленькими волнами, обозревал возможные направления своего путешествия. Быть может, мои желания сбудутся, и все будут счастливы. Включая и этого малого буревестника.

***

Грузная туча нависла над Нью-Йорком, угрожая пролиться сильным дождем. Все сбережения Джона давно иссякли. К тридцати пяти годам он успел сделать многое и побывать

в разных местах. Он даже играл на бирже, где заметил в себе смелость, а так же удачу. Работал и в издательстве Лос Анджелеса, где подбирал на улицах самых талантливых писак, и создавал им имя и репутацию издательству. За мелкие кражи и спекуляции успел и посидеть за решеткой. И это стало последней каплей разрыва отношений с его другом детства. По истечению срока, Джон работал на стройках, на лесопилке в Брайтоне, и уборщиком в психиатрической больнице Норвича. Но везде его увольняли. Однажды, очередной его начальник, сказал, что у Джона самые ужасные мандиблы. Джон только рассмеялся, и взял себе на вооружение эти слова, и временами подбадривал себя ими, посмеиваясь своим грудным басом. Джон был не из тех людей, кто будет чувствовать на себе вину. Это был настоящий волк-одиночка. Но несмотря на это он тянулся к прошлому. И сам не знал почему и зачем. Небо над его головой разразилось громом. Затем мелькнула молния, снова ударил гром с оглушительным ревом, и небо прорвалось проливным дождем. Джон долго ждал этот осенний дождь. Его серый плащ стал на тон темнее от дождевой воды, а волосы от влажности вились и липли на лицо. Недавно Джон познакомился с творчеством и полностью поддался сублимации. Когда он рисовал, все для него переставало иметь значение. Джон ощущал себя перерожденным. Он будто возносится сердцем на чердаки домов и наблюдает за движением внизу заземленных людей. Это сравнение Бальзака так понравилось Джону, что

он решил нарисовать свое видение этих слов. Когда он рисовал картину, то время от времени посматривал в окно пятого этажа на людей, идущих вниз. Тогда тоже шли дожди, целую неделю. А Джон вдохновлялся, смотря на людей; смеялся, вспоминая слова начальника; и рисовал то, что являлось для него целой эпохой его чувств, где сердце не имело границ и всегда билось в такт морского прибоя. А теперь он шёл под дождём в центре Нью-Йорка. За ним наблюдали за-всегда и кофеен со скопидомским любопытством, и за тем, как в руках Джона расплываются краски его картины, превращая его произведение в *magnum opus*.

***

...Взор падает на едва заметные мелочи, которые в обычной жизни мы привыкли не замечать в вечной спешке куда-то. Голуби воркуют на крыше под лучами утреннего солнца. На автобусной остановке уже ютились еще сонные люди, прикрываясь друг другом от прохладного ветра. Зеленая трава укуталась во множественные капли нетронутой росы. А где-то на краю мира добрый старик-вершитель покуривает с улыбкой на устах трубку мира, и, щурясь, пускает по небу густые белоснежные клубы облаков. Птицы щебечут, как заблудившиеся невменяемые, что можно оглохнуть, если прислушиваться. Листва деревьев колышется от ветра, и играла на солнце своим ярко-зеленым цветом. Париж, Марсель, Бу-

дапешт, Осло, Нюрнберг, Рейкьявик... Искусная архитектура придаёт миру некую грязную совершенство бытия, которую оставил после себя человек. Скверы, извилистые улицы, тоннели, замки и соборы... Все это выглядит, как символ присутствия человека умелого и талантливого во времени. Белка закопала очередной желудь в мягкой от сырости земле. Скорее всего, назавтра она уже и не вспомнит о своем секрете, как люди не вспоминают своих обещаний, клятв и чувств. Колоски пшеницы устремлены в небо. Еще пару недель и сенокосцы снимут урожай. Море на пляже Ривьеры смыло все бывшие следы любви и недосказанных прекрасных слов, прерванных самим актом любви. Горы скрыли в тени все то, что не подвластно взору и все то, что не переносит света. Ручей так же унес что-то с собой, потоком незримых прозрачных вод. Далеко-далеко, на краю небосвода, ручей обновится опять, и пуститься в скорости снова. Закат за рассветом, рассвет за закатом... Все меняет друг друга в бесконечном пути. Кошки балдеют от собственной грации и подают пример глупым прохожим. Собаки рождены для любви, сами того и не зная. Вечер сменяет день, день сменяет вечер. Осталось совсем немного времени одному маленькому призраку... Побывать свой сороковой день в земном раю и улетучится как прах и пепел в безоблачную даль...

***

На Валентина снова накричали соседи во дворе. Он громко включал музыку в конторке по приему тары и макулатуры, где он работал. Сегодня весь рабочий день у него играл Делиб. И довольно громко. Его худощавая высокая фигура не замечала никаких жалоб, из-за чего соседи его иногда побаивались и считали даже сумасшедшим. В действительности его невозмутимость была прикрыта самой музыкой, благодаря которой он не мог слышать никаких жалоб. Валентин так погружался глубоко в музыку, что весь мир сразу становился снисходительным в его глазах. Каждый день он читал какую-то литературу. Валентин постоянно удивлялся, как люди могут выбрасывать на сжигание таких писателей и поэтов, как Мандельштам, А.К. Толстой, А.Н. Толстой, Хаксли и даже Джойс. Но если спуститься на землю, можно было воочию увидеть нищету и голод. И все вопросы «почему?» сразу теряли свой смысл. Из дня в день Валентин копался в запыленных кучах растрепанных книг, чтобы найти то, что он искал уже долгое время. От своей прошлой жизни он сбежал. И все ненужное, гниющее и умирающее оставил на поедание тупому прошлому. Денег ему никогда не хватало. Но он всегда считал себя счастливым. Вся его новая жизнь была заключена в поиски. В поиски прекрасных людей, захватывающих путешествий, себя самого и той единственной книги. В жизни Валентина, как в жизнях многих других людей была так называемая обратная сторона «попадания в струю». Такие периоды вообще зачастую не имеют конца. Они охваты-

вают все области действия человека, даже мыслительную, заставляя тем самым чувствовать человека узником собственной прокрастинации. На горизонте уходящего рабочего дня Валентин заметил знакомую старушку. Она уже долгое время не заходила к нему с макулатурой. Вся ее семья уехала жить на запад, а она не захотела. Мол: «За могилкой мужа никто и не присмотрит...» Валентин с жадностью хватился за связку книг, и перебирал содержимое. Это была та самая встреча, когда Валентин нашел то, что искал. Он открыл эту книгу, нашел рисунок какого-то ящика на первых страницах. Быстро перерисовал его себе на листок, сложил и сунул во внутренний карман пиджака с левой стороны. Затем он как помешанный поцеловал книгу и сказал: «Спасибо, Экзюпери. Теперь и у меня есть ящик, куда я помещу все свои мечты.»

***

Как-то ночью, на заснеженной вершине французских Альп, замигал какой-то свет. Его свечение походило за свечение звезды,— яркое и ненавязчивое. Местный винодел Жереми, заметил этот огонек, будучи в легком опьянении от своего нового вина. Его фамильная вилла уже давно требовала реставрации. На что Жереми махал рукой, и продолжал каждый день пить свое вино и закусывать его ароматным козым сыром. Когда Жереми увидел этот огонек на вершинах

Альп, которые были заметны вдалеке через окно второго этажа его виллы, он только засмеялся. И его новое вино понравилось ему еще больше. В этом он убедился, после того, как расспросил всех соседей в округе. Никто больше не видел этого свечения. Жереми стал еще более горд за свое чудо-вино. Каждый вечер, после тяжелого рабочего дня, он присаживался на своей веранде, накидывал на плечи старый легкий кардиган и наслаждался своим гедонизмом. Бокал вина, сыр и красивый вид из окна, – это истинное счастье настоящего француза из провинции. Иногда он включал на граммофоне пластинки Моцарта, Дебюсси. Но зачастую любил свою мерную тишину. Уже как месяц, каждый вечер Жереми видел свечение. Казалось, для него, без его осознанного ведома, жизнь обрела какой-то смысл, какую-то цель. Это свечение в горах манило его. Будучи человеком простым и лишенным предрассудков, Жереми решил позволить себе небольшой отдых и отправиться в горы. Он выехал с Мартода, и добрался до Сен-Жерве-Ле-Бен, через Межев и Деми-Картье. Он заранее проложил себе маршрут. А о свечении он думал, как о мотивации, но никак не надеялся встретить его источник. Проехав Монбланский тоннель, Жереми добрался до Эгюй-дю-Миди, где остановился на ночлег в местном маленьком отеле. Утром Жереми доехал до Мон-Блана, откуда ему необходимо было найти дорогу аж до скалистой гряды Дом де Миаж, которую он видел из окна своей виллы. Жереми шел вместе с экскурсоводом. После двухдневного пу-

ти они достигли горы Дом де Миаж. Иногда нужно дождаться ночи, чтобы увидеть желанное – подумал Жереми. И как только возшла на небе огромная гипнотическая Луна, Жереми увидел на некрутом склоне яркое свечение. Когда он подошёл к нему с опаской, то разразился тихим смехом. Лунный свет ярко отражался в дне стеклянной бутылки фамильной винодельни Жереми де Тие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.